

Т. В. Андреева

Николай I и финляндский вопрос. 1830–1831 гг.

Положение Великого княжества Финляндского на протяжении более чем векового его вхождения в состав многонациональной Российской империи не было одинаковым. Николаевское царствование занимает особое место в «русском периоде» истории Финляндии: оно стало «мостом» между «дней Александровых прекрасным началом» и утверждением либерального курса в эпоху Александра II, проявив и сфокусировав многочисленные проблемы и противоречия, вытекавшие из уникального юридического, политического и экономического статуса княжества.

Польская кампания 1830–1831 гг. и развернувшаяся в связи с ней «информационная война» России с либерально-конституционной Европой актуализировали финляндский вопрос в имперской политике Николая I. К 1831 г. относится «Статья о Финляндии» со следами работы над ней императора, отражающая начальный этап этого процесса. Сохранившаяся в копии в личном фонде Н. К. Шильдера в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки¹, она приведена с небольшими изменениями в фундаментальном труде М. М. Бородкина по истории Финляндии в царствование Николая I². По мнению историка, статья, «удостоившаяся особого внимания монарха», была «приготовлена для опровержения польской лжи»³. Действительно, публицистический характер статьи, предназначенной для публикации прежде всего в европейских газетах, не вызывает сомнения. Однако помимо внешнеполитических контр-

¹ Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I. Копия // ОР РНБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдер). К. 42. № 15. Л. 1–5.

² Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. М., 1915. С. 89–93.

³ Там же. С. 89.

пропагандистских целей она предназначалась для реализации важных внутриполитических задач. Неудивительно, что инициатива создания документа исходила от самого Николая I, о чем свидетельствует правка императора и его помета на полях — «исправить по отметкам»⁴. После высочайшей цензуры статья, скорее всего, была отправлена на доработку. Но даже если она осталась неопубликованной, ее текст представляет несомненный научный интерес, поскольку демонстрирует особенности финляндской политики самодержавия 1830-х гг. Цель моего исследования — проследить, как и под влиянием каких факторов ставился финляндский вопрос в имперской политике начала царствования Николая I в контексте определения исторического значения данного документа.

Советская и современная историография совершенно справедливо включает политическую историю Финляндии эпохи Николая I в полувековой этап «замороженного конституционализма» 1809–1863 гг.⁵, когда шло развитие финской государственности, становление национального самосознания финнов⁶, была заложена основа для расширения автономии и проведения ускоренной индустриализации края в царствование Александра II.

Между тем оптимизация финляндской политики в 1860–1870-х гг. была в какой-то мере вынужденной, обусловленной как объективными, так и субъективными факторами. Особое внимание верховной власти к Финляндии в эти годы определялось сложным состоянием международных позиций России после Крымской войны, кризисными ситуациями (польское восстание 1863–1864 гг., русско-турецкая война 1877–1878 гг.), а главное — необходимостью проведения модернизации края как составной части российского реформаторского процесса⁷. Немаловажным было и стремление Александра II отблагодарить «честный и верный народ финляндский»⁸, который, в отличие от поляков,

⁴ Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I. Л. 1.

⁵ Суни Л. В. 1) Очерк общественно-политического развития Финляндии. 50–70-е годы XIX в. Л., 1979. С. 59, 63; 2) Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50–70-е гг. XIX в.: Автореферат дис. ... д. и. н. Таллин, 1980. С. 24; Правилова Е. А. Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006. С. 81.

⁶ Вискочков Л. В. 1) «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четвертой ежегодной международной научной конференции (25–26 апреля 2002 г.). СПб., 2003. С. 62–74; 2) Император Николай I и Великое княжество Финляндское // Памяти академика А. И. Шёгрена (1794–1855): Сборник докладов. СПб., 2007. С. 40; 3) Император Николай I о Финляндии и финнах // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Восьмой ежегодной международной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова и П. А. Кротова. СПб.: Б.и., 2007. С. 412–428.

⁷ Суни Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50–70-е гг. XIX в. С. 45; Витухновская-Кауттала М. «Он снова с нами!»: Александр II в исторической памяти финнов в начале XX в. // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сборник статей. СПб., 2012. С. 262–281.

⁸ Речь Александра II на Финляндском сейме 6 сентября 1863 г. Цит. по: Воспоминания

демонстрировал лояльную прорусскую позицию и внес свой вклад в морские победы 1854 г.⁹ И хотя во многом целью созыва Сейма 6 (18) сентября 1863 г., официальной декларации о расширении его прав, провозглашения манифеста об эмансипации финского языка стало выведение Финляндии из того «общественного брожения», в котором она находилась, это не умаляет исторического значения «национальной мобилизации» и экономического развития края в либеральный период его сосуществования с Россией. Однако данные процессы, связанные с именами И. В. Снельмана, З. Топелиуса, А. И. Шёгрена, Л. Г. фон Гартмана и др., были бы невозможны без сохранения в царствование Николая I особого государственно-правового статуса Финляндии.

Следует подчеркнуть, что вхождение Финляндии, а затем Царства Польского в состав Российской империи качественно изменило политическую и идеологическую составляющие в имперской политике самодержавия. Присоединение территорий, имевших устоявшиеся традиции государственного существования с представительным правлением, развитую систему местного управления и населенных народами с высокой национальной культурой и уровнем просвещенности, поставило перед имперской властью две важнейшие проблемы: во-первых, определения их государственно-правового статуса в составе империи, во-вторых, формирования государственной идеологии по отношению к ним.

При этом исторический опыт вхождения земель, отошедших к России в результате разделов Речи Посполитой, — когда формально они были включены в административно-финансовую систему страны, но реальной экономической инкорпорации не произошло¹⁰, а политика насильственной ассимиляции в форме обращения в православие привела к ожесточению — в определенной мере предопределил веротерпимость при Екатерине II и иную модель Царства Польского при Александре I. И всё же в большей степени государственно-правовая и финансовая автономность территорий бывшего герцогства Варшавского, в 1815 г. вошедших в состав Российской империи под этим названием, обуславливалась новыми историческими реалиями послереволюционной эпохи, геополитическими итогами наполеоновских войн, а главное — конституционно-либеральной идеологией. После великой победы над Наполеоном Александр I, желая сохранить гегемонию России в Европе и понимая, что это возможно только при использовании (конечно, разумном, взвешенном и непреувеличенном) конституционных принципов как на международной арене, так и «дома», поста-

генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2003. С. 275.

⁹ Об этом см.: *Бородкин М. М.* Война 1854–1855 гг. на Финском побережье. Пг., 1904; *Кауттала П.* Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки Крымской войны // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. С. 195–213; *Витхюновская-Кауттала М.* «Он снова с нами!»: Александр II в исторической памяти финнов в начале XX в. // Там же. С. 264.

¹⁰ *Правилова Е. А.* Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. С. 41–43.

вил вопрос о создании единой, конституционной, христианской Европы. Если Венский конгресс, начавшийся 13 (25) сентября 1814 г., подвел военные итоги наполеоновских войн, то идеологической составляющей победы стало подписание 14 (26) сентября 1815 г. монархами союзных государств акта Священного союза. В основе данного документа лежали следующие идеи: необратимость эволюционного процесса и невозможность возврата к феодально-абсолютистским порядкам до 1789 г.; сохранение политической стабильности в Европе путем приспособления либерально-конституционных принципов к существующим социально-политическим институтам; борьба с любыми революционно-освободительными движениями на континенте, приводящими к дестабилизации и социальным потрясениям; объединение народов Европы на основе христианской веры, т. е. формирование «единого народа христианского; утверждение приоритета общехристианских, общеевропейских ценностей над национальными»¹¹.

Для Александра I, который, по словам австрийского дипломата Ф. Гентца, смотрел на себя «как на основателя Европейской федерации и хотел бы, чтобы на него смотрели как на ее вождя»¹², политическая философия Священного союза прежде всего ставила вопрос о конституционной дипломатии в Европе, в том числе в Царстве Польском¹³. Еще на Венском конгрессе был поставлен польский вопрос, поскольку приобретение территорий Польши, с точки зрения российского императора, делало Россию «державой европейской»¹⁴. 15 (27) ноября 1815 г. обнародована «Конституционная хартия Царства Польского», впервые напечатанная на русском языке в 1906 г.¹⁵ Между тем в бумагах

¹¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. 1: В 8 т. М., 1972. Т. 8: Май 1814 г. — ноябрь 1815 г. С. 504–505, 518. Об основных идеях Священного союза см.: *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. 1–5. Рига, 1886; *Бутенко В. А.* Священный союз и международная политика эпохи реставрации // Книга для чтения по истории Нового времени: В 4 т. М., 1914. Т. 4. Ч. 1: История Западной Европы. С. 105–127; *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915; *Пресняков А. Е.* Идеология Священного Союза // *Анналы. Журнал всеобщей истории.* 1923. № 3. С. 72–82.; *Шебунин А. Н.* 1) Европейская контрреволюция первой четверти XIX века. Л., 1925; 2) Вокруг Священного союза // ОР РНБ. Ф. 849 (А. Н. Шебунин). Оп. 1. Д. 110, 111; *Орлик О. В.* «Европейская идея» Александра I // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 44–68; *Парсамов В. С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза: Из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004. С. 60–69; *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 494–503.

¹² Цит. по: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 219–220.

¹³ *Жуковская Т. Н.* Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 74–113.

¹⁴ *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I на Венском конгрессе. 1814–1815: По донесениям агентов Венской тайной полиции // *Русская старина.* 1914. Т. 157. Кн. 1. С. 135–145.

¹⁵ Конституционная хартия Царства Польского // *Международные трактаты и законодательные акты, касающиеся вопроса о государственно-правовом отношении Царства Польского и Российской империи.* СПб., 1906. С. 1–11; Конституционная хартия Царства Польского // Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского

Комиссии составления законов сохранился ее русскоязычный перевод, выполненный еще в 1816 г.¹⁶ Согласно хартии, Царство Польское входило в состав Российской империи в качестве особого государственного образования, имеющего свой законосовещательный орган — Сейм, и правительство, состоявшее из наместника, министров и высших чиновников, назначаемых императором. Польские территории имели свою бюджетную автономию, денежную единицу, казну и ответственность перед европейскими кредиторами¹⁷.

Финляндия. 1809–1830 гг.

Также в рамках либерально-конституционной идеологии и так же как особое государственное образование по условиям Фридрихсгамского мира 5 (17) сентября 1809 г. и на основании «персональной унии» с Россией о союзнических отношениях была присоединена Финляндия. Теория унии в понятиях международного права была сформулирована лишь в 1889 г. Лео Мехелином¹⁸; но еще до окончания русско-шведской войны концепция вхождения края в состав Российской империи разрабатывалась М. М. Сперанским. В 1808 и 1809 гг. он сопровождал Александра I в Финляндию, где был назначен канцлером университета в Або, а в 1810–1811 гг. председательствовал в Комиссии финляндских дел в Петербурге¹⁹. Вероятно, асимметрия социального развития и административно-правовая неоднородность, с одной стороны, коренных русских земель, а с другой — территории, присоединяемой к России, определили основные идеи реформатора. В отчете о своей деятельности по управлению Комиссией за 1810 г. М. М. Сперанский писал: «Финляндия есть государство, а не губерния»²⁰. В письме же от 16 марта 1811 г. министру народного просвещения гр. А. К. Разумовскому он подчеркивал, что Финляндское княжество, имеющее «особенную Государственную Конституцию» и «правовую

(1814–1881). СПб., 1907. С. 41–63; Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 527–540.

¹⁶ *Любезников О. А.* О переводе на русский язык конституции Царства Польского в 1816 г. // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 291–303.

¹⁷ *Пресняков А. Е.* Экономика и политика в польском вопросе начала XIX в. // Борьба классов. Исторический журнал. 1924. Т. 1/2. С. 29–50; *Правилова Е. А.* «Польский долг» Российской империи: К истории российской финансовой политики в Польше конца XVIII — начала XIX в. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 130–139.

¹⁸ *Mechelin L.* Das Staatsrecht des Grossfürstentums Finland. Freiburg, 1889; *Кайнна-ла П.* Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки Крымской войны. С. 210; *Витухновская-Кауттала М.* «Он снова с нами!»: Александр II в исторической памяти финнов в начале XX в. С. 266.

¹⁹ *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 601.

²⁰ *Сперанский М. М.* Отчет о делах 1810 г., представленный императору Александру I // Сперанский М. М. Избранное. М., 2010. С. 395.

автономию», «не входит в число российских губерний»²¹. Княжество обладало отличительными особенностями и в социальной структуре, связанными с отсутствием крепостного права и существованием особого дворянского сословия, отделенного от дворянства как Швеции, так и России²².

Немаловажную роль в формировании концепции особого статуса Финляндии сыграл и внешнеполитический фактор. В условиях неминуемой новой войны с Францией²³ Александр I, стремясь удержать присоединенную страну за Россией, укрепить лояльность финнов, особенно элиты края — шведов, пошел на введение этого статуса. Законодательная сфера базировалась на шведском государственном праве с его принципом ограничения власти монарха сословно-представительными учреждениями. Впервые в истории Финляндии была создана собственная верховная администрация — коллегиальный Правительственный совет, в 1816 г. переименованный в Сенат. Шведский язык сохранялся в делопроизводстве и обучении, а шведская денежная единица оставалась в обращении вплоть до 1840 г., когда ее заменил русский рубль. Для предупреждения же тяготения Финляндии к Швеции имперская власть развивала финский «национальный идентитет», чему в огромной мере способствовала инкорпорация финнов в государственную жизнь, находившая отражение в деятельности высшей финляндской бюрократии. Членами Сената, назначаемыми монархом, могли быть только уроженцы Финляндии, а председателями Комиссии финляндских дел²⁴ и статс-секретарями (с 1834 г. министрами-статс-секретарями) с правом непосредственного доклада императору чаще всего были финны (Р. Х. Ребиндер, А. Г. Армфельт)²⁵.

При этом сохранение в неприкосновенности «финской Конституции» — т. е. Основных законов Шведского королевства, изданных в правление Густава III (Форма Правления 1772 г. и Акт Соединения и Безопасности 1789 г.)²⁶

²¹ Корф С. А. Отношение М. Сперанского к Финляндии // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 276 (Издательский фонд). Оп. 1. Д. 198/1. Л. 1–3.

²² Vuorinen M. Finnish nobility between nation and empire (The Swedish legacy and the Diet of Porvoo in 1809) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 99–111; Snellman A. The nobility of Finland 1809–1919: From imperial loyalism to nationalist conflict // Там же. С. 112–129.

²³ Сперанский М. М. О вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира // Сперанский М. М. Избранное. С. 403–410.

²⁴ После М. М. Сперанского, с 20 октября 1811 г. председателем Комиссии финляндских дел был Г. М. Армфельт (1757–1814) (Шилов Д. Н. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Библиографический справочник. СПб., 2007. С. 38–40). По манифесту от 17 марта 1826 г. Комиссия была упразднена, и создана Канцелярия финляндских дел, которую возглавлял статс-секретарь.

²⁵ Р. Х. Ребиндер, с 1811 по 1841 г., А. Г. Армфельт, с 1841 по 1875 г. — статс-секретари, с 1834 г. министры-статс-секретари по делам Великого княжества Финляндского (Там же. С. 36–37; 665–666).

²⁶ Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917. Хельсинки, 2009. С. 280; Дусаев Р. Н., Дусаева М. Р. Александр I и принципы финляндской автономии // К 400-летию дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России: Сборник материалов Международной научной конференции. СПб., 2013. Ч. 2. С. 223–230.

и закреплявших прежде всего прерогативы сословного представительства, — отражало лояльность имперской власти по отношению к традициям управления краем и ее приверженность к конституционно-представительному правлению. Ведь почти одновременно с решением финляндского вопроса — с октября 1808 по октябрь 1809 г. — Александр I и М. М. Сперанский готовили общую конституционную реформу в виде «Плана всеобщего Государственного образования». Конституция, понимаемая в эту эпоху как целостная система законодательных норм, установленных монархом и закрепляющих единые правовые принципы регламентации общественной жизни и деятельности органов государственного управления, представлялась важнейшим инструментом укрепления имперской государственности. Однако, сравнивая западную модель развития с российским историческим процессом, авторы «Плана» осознали, что еще не созрели социально-экономические и политические условия для превращения Российской империи в «истинное монархическое конституционное государство» с таким его классическим атрибутом, как реальное ограничение законодательной и исполнительной власти монарха. На данном историческом этапе, считали они, следовало адаптировать либерально-конституционные принципы, приспособить их к существующим институтам, т. е. «составить образ управления, основанный на настоящей самодержавной конституции государства», «облечь правление самодержавное, всеми, так сказать внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия»²⁷.

«Самодержавная конституция» в большей степени была направлена на обеспечение устойчивости при необходимой модернизации абсолютистской государственности, чем на внутреннее развитие, но ее введение предполагало реформирование и приспособление системы высшего управления к новым историческим условиям послереволюционной эпохи. Это достигалось как формированием новых конституционных учреждений — законосовещательных и сословно-представительных (в определенной мере законодательных), так и унификацией и усовершенствованием вертикали власти. Согласно «Плану», предполагалось создание «законосовещательного сословия» (Государственного совета) и «законодательного сословия» с сословным представительством, но ограниченными правами (Государственной думы), а также реформирование Сената (приданием ему функций высшего выборного судебного органа империи) и министерской системы. По порядку преобразований Государственный совет должен был открыться 1 января 1810 г. Учрежденный в намеченный срок Совет действовал почти до конца имперской эпохи. Открытие Государственной думы намечалось на 1 сентября того же года; начать ее работу предполагалось с рассмотрения «Государственного уложения», т. е. конституции²⁸. Однако этого не произошло.

²⁷ Сперанский М. М. 1) Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Сперанский М. М. Избранное. С. 278; 2) Введение к уложению государственных законов // Там же. С. 321.

²⁸ Сперанский М. М. Избранное. С. 323–375; Андреева Т. В. Александр I и М. М. Сперанский: еще раз о «Плане всеобщего Государственного образования» 1809 года // Английская на-

В этой ситуации «Государственная Конституция» Финляндии, под которой понимались упомянутые шведские законы, становилась единственным правовым механизмом, формально ограничивающим власть императора законом. Причем именно это ограничение заставляло имперскую власть особое внимание обратить на управление краем. М. М. Сперанский в упоминаемом отчете за 1810 г. указывал: «Власть державная, быв ограничена в сей стране законом, должна была искать усилить себя подробностями управления»²⁹.

Таким образом, рождение концепции Финляндии как государства, а не провинции³⁰ стало, с одной стороны, результатом развития правительственного либерализма, а с другой — отражением особенностей формирования российской имперской системы. Предполагавшая автономию княжества, она демпфировала идею «единой и неделимой России». Поэтому финляндская политика конца царствования Александра I и правления Николая I уже осуществлялась в рамках идеи многонационального централизованного государства в форме абсолютной монархии или «многонациональной династической унии»³¹, была ориентирована на реальную инкорпорацию северной окраины в состав Российской империи. Постепенное сближение Финляндии и России намечалось путем усиления экономических и общественных связей, включения финской государственности в административную систему страны.

Однако масштабного унификационного сближения так и не произошло. Во многом это обуславливалось культурно-традиционалистским и вероисповедным различием финского и российского общества, а главное — отсутствием единой законодательной базы. Вопрос о включении финляндского законодательства в общеимперское был напрямую связан с проблемой кодификации финского права, но введение подготавливаемого в 1835–1846 гг. «Свода законов Великого княжества Финляндского» не состоялось³².

Практическая реализация автономии Великого княжества Финляндского, как продемонстрировал в своей фундаментальной работе Осмо Юссила, также

бережная, 4. Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001. С. 41–74.

²⁹ Сперанский М. М. Отчет о делах 1810 г., представленный императору Александру I. С. 395.

³⁰ Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 372–390.

³¹ Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1809–1995. М., 1999. С. 49; Выскочков Л. В. 1) «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 62; 2) Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 31.

³² Бородин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 331–345; Пальмен Э. Г. Кодификационные замыслы в 1830 и 1840 годах // О кодификации финляндских законов. Пг., 1914. С. 5–17; Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1809–1995. С. 36; Выскочков Л. В. 1) «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 64; 2) Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 37.

оказалась ограниченной³³. Верховную власть представлял российский император, которому непосредственно была подчинена вся система внутреннего управления Финляндией, минуя механизм центрального аппарата России. Главой гражданской администрации, председателем финского Сената, командующим финскими войсками оставался генерал-губернатор, назначаемый императором. Только монарх обладал единоличным правом созыва Сейма (как и предполагаемой всероссийской Государственной Думы). Причем ни Александр I после 1809 г., ни Николай I, принявшие монаршие prerogatives по унаследованной от Швеции «финской Конституции» и признававшие в неопределенных выражениях представительские преимущества Финляндии, ни разу его не созывали. Здесь не было нарушения Конституции (согласно ст. 38 Формы Правления 1772 г., монарх имел право созывать высший представительный орган когда ему заблагорассудится)³⁴. И всё же использование политики «замороженного конституционализма» обуславливалось прежде всего тем, что Сейм входил в диссонанс с авторитарными тенденциями в управленческой практике российских императоров.

Тем не менее имперская власть в первой половине XIX в. не проводила прямолинейную политику русификации. В данном контексте я присоединяюсь к точке зрения, высказанной еще Н. Х. Бунге в его «Загробных заметках»³⁵ и нашедшей отражение в трудах В. С. Дякина³⁶ и Л. В. Выскочкова³⁷: тенденция к русификации и православизации малых народов и наступлению на самобытность крупных лишь наметилась в царствование Николая I и стала особенно отчетливой уже в правление Александра II. По справедливому мнению В. С. Дякина, причиной тому прежде всего были внутривосточные кризисные явления — реакция мусульманского населения районов внутренней России и Закавказья на Крымскую войну и колонизацию Средней Азии, а также восстание в Польше³⁸. Действительно, в беседе 31 августа 1863 г. с членом Совета по делам Царства Польского Н. А. Милотиным Александр II указывал на «сделанные попытки успокоения края посредством целого ряда мер в либеральном смысле, на безуспешность всех уступок, убедивших окончательно в невозможности

³³ Юссилла О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917. С. 173–254.

³⁴ Дусаев Р. Н., Дусаева М. Р. Александр I и принципы финляндской автономии. С. 226.

³⁵ Бунге Н. Х. Загробные заметки // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) / Подг. Л. Е. Шепелев. СПб., 1999. С. 225–226.

³⁶ Дякин В. С. 1) Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–142; 2) Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.) / Подг. И. В. Лукьянов, В. Г. Савельева, С. Н. Патутина. СПб., 1998. С. 19; 3) Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX — начала XX в. (К постановке проблемы) // Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? Сборник статей. СПб., 2002. С. 53–94.

³⁷ Выскочков Л. В. Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 32.

³⁸ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX — начало XX в. (К постановке проблемы). С. 58.

достижения этим путем прочного утверждения порядка и спокойствия». В силу этого было принято «иное направление», имеющее целью «упрочение русской власти в Польше», «вопреки требованиям поляков и Европы, теснее связать Царство Польское с Россией, опираясь уже не на шляхту, как прежде, а на массу народа, на сельское население»³⁹.

Возвращаясь к Финляндии, следует подчеркнуть, что даже «автократическая уловка» Александра I и Николая I, которые, формально не нарушая «финскую Конституцию», не созывали Сейм, не стала препятствием на пути сохранения «персональной унии» о союзнических отношениях. Само существование Сейма, как пронципально указывают финские исследователи (Матти Клинге, Пекка Кауппала, Марина Витухновская-Кауппала), «давало народу национальное самосознание»⁴⁰. Но именно развитие финской государственности и национального самосознания финнов создавало условия для оформления и постепенного расширения конфликта между Россией и Финляндией, усиления стремлений последней к свободному экономическому и политическому развитию, а в перспективе — к суверенитету.

С моей точки зрения, «Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I», о которой идет речь в начале статьи, отражает начальный этап формирования данного конфликта и стремление носителя верховной власти приостановить этот процесс. Но почему именно в 1830–1831 гг. в имперской политике самодержавия актуализировался финляндский вопрос? Представляется, что помимо Польши существовал целый комплекс причин внешне- и внутривосточного свойства.

Внутриполитический срез

Впервые великий князь Николай Павлович⁴¹, будучи канцлером университета в Або (с 1816 г.) и генерал-инспектором по инженерной части, познакомился с Финляндией, возможно, летом 1819 г. во время маневров в Гельсингфорсе. Но скорее всего, это произошло в июне 1820 г., когда он провел инспекцию Свеаборгской крепости и совершил поездки в Турку и на Аландские острова⁴². Неофициальное известие о смерти Александра I генерал-губернатор Финляндии А. А. Закревский⁴³ получил в Гельсингфорсе в 12 часов утра 29 ноября

³⁹ Милотин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. С. 267–268.

⁴⁰ Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 261; Кауппала П. Александр II и подъем финляндской автономии. С. 196; Витухновская-Кауппала М. «Он снова с нами!»: Александр II в исторической памяти финнов в начале XX в. С. 265.

⁴¹ В 1811 г. к великому князю Николаю Павловичу едва не был определен гувернером финляндец Одерт Грипенберг по протекции Г. М. Армфельта. См.: Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 3–4.

⁴² Высокочков Л. В. Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 30.

⁴³ Арсений Андреевич Закревский (1786–1865), с 30 августа 1823 по 19 ноября 1831 г. —

1825 г. В тот же день из Петербурга прибыли три курьера с официальными уведомлениями — от статс-секретаря Р. Х. Ребиндера, военного министра А. И. Татищева и дежурного генерала Главного штаба А. Н. Потапова, который писал, что великий князь Николай Павлович «желает, чтобы вся Финляндия приведена была сколь возможно скоро к присяге» императору Константину Павловичу. В этой ситуации А. А. Закревский немедленно предписал финляндскому Сенату присягнуть «по форме, изданной от Правительствующего Сената», т. е. по общероссийской форме (публично с личным подписанием присяжных листов). Когда же вице-президент Сената К. Р. Маннергейм попросил дать возможность сенаторам принести присягу по обычной для Финляндии форме, генерал-губернатор отказал ему, мотивируя свою позицию необходимостью скорейшего действия. 30 ноября 1825 г. был собран Сенат и проведена присяга по общероссийской форме, затем присягнули все должностные лица, войска, а также население финской столицы⁴⁴.

По мнению биографа А. А. Закревского Д. В. Друцкого-Соколинского, генерал-губернатор, приведя финляндцев к присяге Константину Павловичу по общероссийской форме, полагал, что таким образом с обособленным положением Финляндии будет покончено⁴⁵. Сам же Николай Павлович, осознавая важность принципа легитимизма, уже в Манифесте о восшествии на престол от 12 декабря 1825 г., составленном им самим 9–10 декабря и отредактированном М. М. Сперанским⁴⁶, подтверждал «коренные законы, права и преимущества жителей Финляндского княжества, которыми они по Конституции доселе пользовались»⁴⁷. Для Николая I законность его прихода к власти была «больным» вопросом,

генерал-губернатор Великого княжества Финляндского и командующий Отдельного финляндского корпуса (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. С. 248–249). Имея сложный и неуживчивый характер, А. А. Закревский постоянно конфликтовал с Р. Х. Ребиндером, который в своем письме прокурору финляндского Сената К. И. Валлену писал в 1826 г.: «У престола у нас нет защиты ни в ком, кроме самих себя. Наши внутренние споры, зависть, интриги и несчастья являются здесь страшным оружием против Финляндии» (*Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Николая I. С. 64). Об А. А. Закревском см.: *Высочков Л. В.* Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823–1831 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Пятой ежегодной международной конференции (23–25 апреля 2003 г.) / Русский Христианский гуманитарный институт; Институт Финляндии в Санкт-Петербурге; под ред. В. Н. Барышникова и С. Ю. Трохачева. СПб.: Би., 2004. С. 18–31.

⁴⁴ *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Николая I. С. 13–16.

⁴⁵ *Друцкий-Соколинский Д. В.* Биографическая заметка о жизни графа Арсения Андреевича Закревского // Сборник РИО. Т. 73. СПб., 1890. С. IX; *Высочков Л. В.* Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 31.

⁴⁶ *Николай I.* Записка [о событиях 12–14 декабря 1825 г.] // Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы / Отв. сост. Т. В. Андреева. СПб., 2007. С. 161; Записки очевидцев 14 декабря 1825 года. Из архива М. А. Корфа: Записка графа Д. Н. Блудова / Подг. Т. В. Андреевой и Т. Н. Жуковской // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 3. СПб., 2000. С. 55.

⁴⁷ ПСЗ-II. Т. 1. № 1. С. 1.

тем более что существовали многочисленные случаи отказа от присяги ему в разных регионах страны и со стороны лиц различных сословий⁴⁸. Наибольшее число «уклонений от присяги» относилось к северо-западным и остзейским губерниям. Поэтому столь приятно было услышать императору, что в Финляндии присяга, состоявшаяся 21 декабря 1825 г., прошла спокойно⁴⁹.

Это было тем более важно, что еще 12 декабря 1825 г. Николай Павлович получил письмо от члена декабристского «Тайного общества» подпоручика Я. И. Ростовцева и имел с ним беседу в Зимнем дворце. Хотя вопрос о сущности и целях этой акции до сих остается предметом жарких научных дискуссий⁵⁰, в данном контексте важно само упоминание Финляндии. Я. И. Ростовцев, стремясь убедить Николая не вступать на престол («погодите царствовать»), мотивировал это тем, что при новой присяге будут междоусобия, «пользуясь которыми Финляндия, Грузия, Польша, а может быть Литва, от нас отделятся». Великий князь в разговоре с подпоручиком пытался несколько раз выяснить, кто стоит за ним, но безуспешно. Ростовцев же, вероятно, имея в виду нарратив некоторых национальных окраин (борьба за сохранение автономии, а в перспективе и при возможности — установление суверенитета) и надеясь, что Николай Павлович скорее откажется от власти, чем подвергнет страну столь серьезной опасности, надеялся избежать «антигосударственного мятежа»⁵¹. Как известно, его надежды были напрасными, а день присяги Николаю I 14 декабря 1825 г. ознаменовался военным выступлением.

Сам же Николай Павлович стремился вывести династическую составляющую за пределы «бунта» и отделить его от европейской модели «военной революции». При этом, так же как и Александр I, он использовал мифологему «всеевропейского заговора революционеров», запущенную аббатом А. де Баррюэлем в европейское политическое пространство еще в конце XVIII в.⁵²

⁴⁸ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 608–611.

⁴⁹ О присяге Николаю I. Всеподданнейшие донесения А. Д. Балашова // РГИА. Ф. 1409 (СЕЙВК). Оп. 1. Д. 4566. Л. 1–26.

⁵⁰ Об этом см.: Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. Кн. 2: Трагедия мятежа: 14 декабря 1825 года. СПб., 2006. С. 8, 20–21; Ильин П. В. 1) Между заговором и престолом: Я. И. Ростовцев в событиях междоусобия 1825 года. СПб., 2008; 2) Встреча члена тайного общества Я. И. Ростовцева с претендентом на престол великим князем Николаем Павловичем. Достоверное и предполагаемое // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 367–449; Севастьянов Ф. Л. «Поступок» Я. И. Ростовцева 12 декабря 1825 г. Попытка реконструкции политических взглядов исторического деятеля // Там же. С. 348–366.

⁵¹ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 602–608.

⁵² Barruel A. Mémoires pour servir à l'Histoire du Jacobinisme. Londres, 1797–1798. Т. 1–4. Анализ механизма внедрения теории заговора в европейское политическое пространство конца XVIII — начала XIX в. посвящены сюжеты в следующих работах: Гордин Я. А. Мистики и охранители: Дело о масонском заговоре. СПб., 1999. С. 42–78; Зорин А. Л.

весьма прагматично и применительно только к внешнеполитическим делам. Но если Александр Павлович в условиях усиления оппозиционных тенденций в русской армии и радикального «перерождения» «Тайного общества» декабристов только не применял к российской конспирации репрессивных мер⁵³, то Николай Павлович в обстоятельствах политических кризисов 1825 и 1830 гг. стремился утвердить идею национальной самобытности России, представление о ней как стране, благоденствующей под самодержавным скипетром и не имеющей почвы для революционных выступлений⁵⁴. В силу чего император не принял версию консерваторов, нашедшую отражение в доносах 1831 г. М. Л. Магницкого и А. Б. Голицына, о существовании в империи «тайного общества иллюминатов», которое будто бы подчинялось европейскому центру в Париже⁵⁵. Более того, необходимость укрепления международного авторитета Российской империи внутри страны и в мире требовала дезавуирования мифологема применительно к внутривнутриполитическим делам.

Поэтому когда в 1826 г. вопрос о связях «злоумышленных тайных обществ» декабристов с европейскими странами рассматривался в Следственной комиссии, и подозрение падало на Австрию, Англию и Швецию в связи с Финляндией, то, по повелению Николая I, следственные мероприятия были свернуты. И хотя Николай I не забыл о декабрьском предупреждении Я. И. Ростовцева, что Финляндия может отделиться, а в показаниях других декабристов были сведения, будто в княжестве «есть тайное общество, имевшее целью его присоединение к Швеции», прагматика государственных интересов требовала сворачивания расследования по иностранному следу. Да и следствие, к удовлетворению императора, выявило, что «финляндское общество — выдумка заговорщиков, подобная многим другим, коими они старались ободрять друг друга»⁵⁶. И всё же, согласно Высочайшему рескрипту от 21 апреля 1826 г.

Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 201–237; Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. С. 176–181.

⁵³ Андреева Т. В. 1) Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 487–514; 2) Александр I и «Тайное общество» декабристов. 1818–1825 гг.: политическая толерантность или прагматические задачи? // Власть, общество, армия: От Павла I к Александру I. СПб., 2013. С. 203–220.

⁵⁴ Андреева Т. В. 1) Николай и мифологема «всевропейского заговора революционеров» // Исторические записки. 2009. Т. 12 (130). С. 105–139; 2) Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 618–653.

⁵⁵ Письма на Высочайшее имя и записки Михаила Магницкого об иллюминатах. 3–28 февраля 1831 года // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115 (Коллекция рукописных книг). Оп. 1. Д. 219. Л. 3–120; Шильдер Н. К. Два доноса в 1831 году // Русская старина. 1898. Т. 96. С. 524–531; Гордин Я. А. Мистики и охранители: Дело о масонском заговоре. С. 48–51, 68–71, 94, 114–123, 147–150, 189–191, 232–233, 251–256; Андреева Т. В. Николай и мифологема «всевропейского заговора революционеров». С. 108–125.

⁵⁶ Приложение к Докладу Следственной комиссии о тайных обществах, открытых в 1825 году // Русский архив. 1875. Кн. 3. № 12. С. 434–435.

на имя А. А. Закревского, у всех чиновников и дворян княжества была взята подписка, что они «впредь ни к каким тайным обществам принадлежать не будут». 11 мая того же года в Финляндии были закрыты все масонские ложи, а 30 марта 1827 г. А. А. Закревский представил Всеподданнейший рапорт с приложением поименного списка в 100 человек бывших членов лож, среди которых были чиновники финляндского Сената⁵⁷.

Особое же внимание Николая I в 1830–1831 гг. к Финляндии было связано в определенной мере и с событиями в самом княжестве: во-первых, с антирусскими «шалостями» студентов Гельсингфорсского университета, которые, узнав о восстании в Польше, восторгались поляками, а позже бросали камни во время богослужения в униатскую церковь; и во-вторых, с недовольством финских крестьян Положением 1826 г. и массовыми жестокими холерными бунтами, когда крестьяне нападали на карантинные заведения, убивали и сжигали ленсманов⁵⁸. К августу 1831 г. относится Всеподданнейшая записка А. А. Закревского «О расположении умов в Княжестве Финляндском», которая была написана, скорее всего, по повелению Николая I. Генерал-губернатор, вероятно, специально совершил путешествие по краю, чтобы удостовериться, что «в Княжестве Финляндском тишина и спокойствие вообще сохраняются столько, сколько того всегда желать должно». Недовольство правительством, если и существует, то только со стороны, как «неблагоденствующих» «профессоров и студентов здешнего университета... так и от молодых людей среднего класса, напитанных беспокойным духом вольнодумства, разлившимся ныне по всей Европе. Но высший и низший класс финляндского народа искренне преданы правительству, постигая более свои выгоды, каковыми они не могли пользоваться при шведском владении»⁵⁹.

Внешнеполитический срез

Однако во внешнеполитической сфере военные «бунты» в столице и на юге Российской империи заставили Николая I на первый план выдвинуть задачи сохранения основ существующего монархического порядка в Европе и плодотворно использовать мифологему «всеевропейского заговора революционеров». Так же как и Александр I в конце жизни, он видел в Священном союзе коллективный общемонархический инструмент борьбы против революции. Как известно, революционные события в Испании, Португалии, Неаполе, Пьемонте, освободительное восстание в Греции не только подорвали веру Александра I в позитивные возможности конституционной дипломатии, направленной на создание «Европейской федерации», но и способствовали целевому «перестроению» Священного союза⁶⁰.

⁵⁷ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 67.

⁵⁸ Там же. С. 138–143.

⁵⁹ Там же. С. 150.

⁶⁰ Андреева Т. В. Александр I и мифологема «всеевропейского заговора революционеров» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2: История. Вып. 4. С. 25–34.

В начале царствования Николая I антиреволюционная направленность Союза оставалась в силе. Лондонский договор 6 июня 1827 г. трех держав — России, Англии и Франции — и секретный протокол к нему предусматривал возможность коллективного вмешательства во внутренние дела любого субъекта Союза в случае вспышки революционной активности. Революции во Франции и Бельгии 1830 г. и Польское восстание еще более актуализировали мифологему «всеевропейского заговора революционеров» во внешнеполитической доктрине России. Но помимо этого, европейские события 1830 г. ослабили традиционные связи империи с ведущими странами Европы и подрывали консервативную солидарность трех династических монархий — России, Австрии и Пруссии. Когда с началом Июльской революции Николай I поставил вопрос о прямой интервенции Франции союзными войсками, а в сентябре 1830 г., после призыва короля Нидерландов Вильгельма I о помощи, хотел отправить в Бельгию российский корпус, его не поддержали — ни его тесть, прусский король Фридрих-Вильгельм III, ни австрийский император Франц I, ни «канцлер Европы» К. В. Меттерних⁶¹.

Сам же российский самодержец, который еще в марте–апреле 1830 г. призывал французского короля Карла X соблюдать Хартию 1814 г. и выражал опасения насчет шаткого положения французского правительства, считая тому виной «сумасшествие короля»⁶², теперь считал все революционные события в Европе реализацией «всеевропейского заговора революционеров». Более того, после того как шляхтич Смагловский попытался организовать покушение на него во время коронации в Варшаве в 1829 г.⁶³, Николай Павлович всё время опасался за свою жизнь, считал, что «его хотят зарезать», верил в инсургентов-террористов, «подсланных из Франции», окружал себя верными молодцами отца-командира И. Ф. Паскевича⁶⁴. Признание же союзниками новой нелегитимной, с точки зрения императора, власти во Франции и независимости Бельгии от Голландии нарушило систему равновесия Священного союза и привело к изоляции России в европейском мире. Это прекрасно осознавал сам Николай I. Ретроспективно анализируя ситуацию в Европе 1830-х гг., он подчеркивал: «С этого печального момента от нашего тесного единения остались только одни внешние признаки, во все наши взаимоотношения вкралось недоверие, так как наши принципы, очевидно, перестали быть одинаковыми»⁶⁵. Николай I всё больше отходил от доминирования общеевропейских интересов

⁶¹ *Андреева Т. В.* 1) Николай и мифологема «всеевропейского заговора революционеров». С. 103–105; 2) Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 618–624.

⁶² *Шильдер Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 267.

⁶³ *Хартанович М. Ф.* К истории коронации в Варшаве. 1829 г. (Дело Смагловского) // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 374–378.

⁶⁴ Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу. 1831–1847 гг. // Русский архив. 1887. Кн. 1. С. 11, 12–13, 16–17.

⁶⁵ Записка Николая I о положении дел в Европе. 1848 г. // Красный архив. 1938. Т. 4/5. С. 161.

во внешней политике, характерного для Александра I, и утверждал чисто «русскую» внешнеполитическую доктрину, направленную на соблюдение прежде всего национальных интересов.

В этой ситуации нужно было укрепить «персональную унию» с Финляндией, т. е. союзнические отношения с княжеством, установить контроль над настроениями местного населения, укрепить его лояльность, усилить геополитически важный сегмент западной границы Российской империи. С решением данной стратегической задачи были связаны все путешествия Николая I в Финляндию в 1830, 1833 и 1854 гг., имевшие также ознакомительные и пропагандистские цели. Уже первая с момента воцарения поездка российского императора в княжество, проходившая с 31 июля по 11 августа 1830 г., включала главным образом осмотр укреплений, крепостей, войск, госпиталей. По словам А. Х. Бенкендорфа, сопровождавшего Николая I, он был доволен, поскольку «сердечный прием, сделанный государю всеми классами населения, быстрое возрастание столицы, наконец, общий вид довольства не оставляли сомнения в выгодах благого и отеческого устройства, данного этому краю... Материальные интересы и управление, столь же либеральное, сколько и национальное, уже производили свое действие, и всё обещало России в финляндцах самых верных и усердных подданных»⁶⁶.

Действительно, с самого вступления на престол и до конца царствования Николай I особое внимание обращал на сохранение и укрепление внешних атрибутов автономии Финляндии, утверждение благосостояния ее жителей и совершенствование системы управления краем. Как-то в разговоре с тайным советником, чиновником Петербургской канцелярии финляндского генерал-губернатора К. И. Фишером император, касаясь положения в княжестве, сказал: «Финляндия благоденствует, если меня не обманывают»⁶⁷. Немного позже, в 1846 г., в приватном разговоре с начальником канцелярии кавказского наместника С. В. Сафоновым Николай I подчеркнул важнейший принцип своей имперской политики: «Мы не ищем завоеваний, но прочного устройства там, где владем, и благосостояния присоединенных к России народов»⁶⁸. И даже если это было лишь декларативное заявление, важен сам факт его озвучивания. Являясь противником конституционной формы правления для России, он вынужден был мириться с конституционной обособленностью Финляндского княжества. Когда финляндский генерал-губернатор и одновременно с 1854 г. главнокомандующий

⁶⁶ Цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. М., 1996. Кн. 2. С. 270. См. также: Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 137.

⁶⁷ Фишер К. И. Записки сенатора // Исторический вестник. 1908. Т. 113. № 9. С. 795; Выскочков Л. В. Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 36.

⁶⁸ Разговор С. В. Сафонова (начальника канцелярии Кавказского наместника) с императором Николаем. 28 сентября 1846 г. // Архив князя Воронцова. М., 1892. Кн. 38. С. 274; Выскочков Л. В. 1) «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 62; 2) Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 31.

сухопутными и морскими силами в Крыму адмирал А. С. Меншиков⁶⁹ в связи с Восточной (Крымской) войной поставил вопрос о введении в Финляндии рекрутского набора, Николай I не пошел на этот шаг. А во время посещения Гельсингфорса в марте 1854 г. сказал руководителю финляндского Сената Л. Г. фон Гартману: «Об этом и речи быть не может, после того, как Я утвердил права края. Кажется, должно быть известно, что раз мною сказано, то не отменяется и в этом отношении финский народ может быть спокоен»⁷⁰.

Польша

И всё же кульминационным моментом в актуализации финляндского вопроса в имперской политике самодержавия 1830-х гг. стало восстание в Польше, начавшееся 17 (29) ноября 1830 г. и воспринятое Николаем I в тех же рамках мифологемы «всеевропейского заговора революционеров». В собственноручной записке о Польше император сокрушенно констатировал: «Раз удар был нанесен, пример дан, трудно предположить, чтобы во времена смуты и всеобщего брожения эти превратные представления не будут и далее давать ростки, несмотря на имеющийся опыт заблуждений и их губительные последствия»⁷¹. Во многом подобное восприятие было «подогрето» упоминаемыми доносами М. Л. Магницкого и А. Б. Голицына об иллюминатах в России, которые император получил 28 февраля — 3 марта 1831 г., т. е. в самый разгар Польской кампании. В доносах доказывалось, что все революционные события в Европе от Французской революции до Польского «мятежа» — реализация «всеевропейского заговора революционеров». По мнению доносителей, те самые силы, которые произвели революцию 1789–1794 гг. «ныне, почти через полвека, управляют разумом Европейского мятежа»⁷².

Между тем сложившаяся к 1831 г. в международной политике крайне невыгодная для России конъюнктура, связанная с негативной реакцией правительств ряда западных стран и просвещенного общественного мнения Европы на Польскую кампанию, была отягощена пропагандистским «бумом» либеральной европейской печати. После династического и политического кризисов конца 1825 — начала 1826 г. и «мятежа» в Польше политическая и интеллектуальная элита Европы стремилась продемонстрировать ослабление державного могущества России, найти «брешь» в ее имперской системе, которой многие

⁶⁹ Шилов Д. Н. Государственные деятели российской империи. С. 409.

⁷⁰ Цит. по: Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 78.

⁷¹ Цит. по: Собственноручная записка Императора Николая I о Польше. Копия / Пер. с фр. // ОР РНБ. Ф. 380. (М. А. Корф). Оп. 1. Д. 53. Л. 1 об. См. также: Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Кн. 2. С. 321.

⁷² Письма на Высочайшее имя и записки Михаила Магницкого об иллюминатах. 3–28 февраля 1831 года. Л. 17 — 27 об.

сочли Финляндию. Всё более усиливавшиеся русофобские настроения и раскачивание фундамента национальных отношений в стране требовали усиления идеологической работы, формирования у европейцев позитивного образа Российской империи с благоденствующим многонациональным населением, у которого нет оснований для мятежа. Применительно к Финляндии имперская власть, осознавая возможность развития ростков конфликта с Россией и стремясь приостановить этот процесс, избрала орудием этой работы контрпропаганду, рассчитанную не только на европейское, но и на финляндское общественное мнение.

Контрпропаганда

Чаще всего контрпропагандистские акции в поддержку российской политики проводило III Отделение СЕИВК, которое использовало для этого не только своих заграничных тайных агентов (Я. Н. Толстого, Луиса Шнейдера и др.), путешествующих за границу россиян и приезжающих в Россию иностранцев, но и подкупленных редакторов европейских газет⁷³. Одной из составных частей этой контрпропаганды и стала упоминаемая уже не раз «Статья о Финляндии», оформленная, скорее всего, между 13 февраля и 14 мая 1831 г., т. е. между сражениями под Гроховым и Остроленкой, когда Польская война становилась более серьезной и ожесточенной.

На провокационные заявления либеральной европейской печати, что будто бы «жители княжества одобряют возникший в Польше мятеж... что они и сами уже возмутились, чтобы действовать заодно с поляками и даже, что правительство в Финляндии нашлось принужденным принять против таковых преступных намерений предупредительные меры, и для того отобрало оружие у всей нации, и сменило чиновников»⁷⁴, необходимо было ответить. В силу чего «Статья о Финляндии», инициированная самим Николаем I, созданная, надо думать, в лоне политической полиции и прошедшая Высочайшую цензуру, имела главной целью продемонстрировать различие между бунтующей Польшей и спокойной Финляндией, политическим радикализмом поляков и политической индифферентностью финнов, ненавистью одних и лояльностью других к России.

Прежде всего, следовало представить европейцам, мало знавшим о ситуации в Финляндии, истинное положение дел в княжестве и продемонстрировать не только лживость, но и истинный смысл европейских инсинуаций. Как подчеркивалось в «Статье», они являются «обыкновенной тактикой партии демагогов, которая на короткое время приобрела пагубное влияние во многих

⁷³ *Абакумов О. Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 7, 9–15, 33–76, 77–96, 97–147, 148–200.

⁷⁴ Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I. Копия. Л. 1.

государствах Европы и приверженцев между журналистами. Они выдумывают и распускают ложные известия в намерении поддержать неправоное дело»⁷⁵.

Поэтому неудивительно, что в «Статье» утверждалось: «Когда известие о происшествиях в Польше в ноябре прошлого года получено было в Финляндии, во всем княжестве было одно мнение об оных — все изъявляли отвращение и негодование к ненавистному предприятию зачинщиков бунта». Причем весь этот текст подчеркнут Николаем I под строкой красным карандашом. Однако «сие единодушное мнение», говорилось в документе, основывалось не столько «на образе мыслей жителей Финляндии», сколько на их «истинном благоденствии» в составе земель, управляемых российским монархом: «Со времени присоединения к России Великое Княжество было осыпаямо благодеяниями правительства и всегда предметом отеческих его попечений. Сохранив свои законы и преимущества, оно не только продолжало наслаждаться своими прежними выгодами, но и приобрело еще и другие важнейшие. Тягости налогов в Княжестве уменьшены, и доходы его употребляемы только на собственные его потребности и к действительной пользе. Внутреннее управление по возможности улучшено, и благосостояние жителей упрочено и умножено разными новыми учреждениями»⁷⁶.

Можно предположить, что авторы «Статьи» лакировали реальность, имея в виду Высочайшую цензуру и осознавая, что восстание в Польше и связанное с ним негативное отношение Европы к России для Финляндии являются «моментом истины», выявляющим лояльность финского народа к Российской империи в час беды. Между тем о позитивном значении присоединения Финляндии к России пишут как финские, так и российские историки. С их точки зрения, это «не противоречило созданию основ финской государственности», более того, у финского народа «оказалось несравненно больше привилегий, чем во времена шведского великодержавия». Для Николая I Финляндия не была «инородческой окраиной», а являлась страной, в которой «жил один из народов, доверенных его отеческой власти... Достаточно было лояльности, и финны были лояльными»⁷⁷.

Не вызывает сомнений, что как Финляндия, так и Польша претендовали на расширение и подъем своей автономии, а в перспективе — суверенитет. Однако эволюция государственно-правового статуса обеих национальных окраин

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. Л. 1 об. — 2.

⁷⁷ Юттикала Э. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 55–56; Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века): Сборник научных статей / Отв. ред. П. И. Савелов. М., 1997. С. 130–131; Юс-сила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1809–1995. С. 32; Выскочков Л. В. 1) Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 29–31; 2) Николай I. М., 2003. С. 278.

в царствование Николая I были не идентичны. Польша, имея территориальные притязания и стремясь восстановить национальную независимость, использовала нелегальные и «мятежные средства». Как писал Николай I в упоминаемой собственноручной записке о Польше: «Польша постоянно была соперница и самый непримиримый враг России... Император Александр полагал, что он обеспечит интересы России, воссоздав Польшу, как составную часть империи, но с титулом королевства, особой администрацией и собственной армией. Он даровал ей Конституцию, установившую ее будущее устройство, и заплатил таким образом добровольным благодеянием за все зло, которое Польша не переставала причинять России... То, что ложно в основании, не могло продержаться долго. При первом же толчке здание рухнуло... Русский интерес несовместим с существованием Польского Королевства в том виде, как оно было создано в 1815 году, и при условии сохранения им своей Конституции»⁷⁸.

Тогда как Финляндское княжество, в котором на упрочение российской государственности всегда обращалось менее внимания, чем в других окраинах, прежде всего в Польше, обособленное положение которого продолжалось вплоть до 1886 г.⁷⁹, стремилось сохранить status quo в территориальном и политическом аспектах и легальным, мирным путем пыталось формировать законодательные основы своей обособленности. При этом сами финляндцы высоко ценили свои преимущества и автономию, которые позволяли жить самостоятельной жизнью, не испытывая тягостей и невзгод, приходившихся на долю всей России. Поэтому неудивительно, что в «Статье» ставился риторический вопрос: «Признавая сии выгоды, как могли жители Финляндии желать какой-либо перемены, столь же противоречащей и признательности и собственной их пользе?»⁸⁰.

При этом дело было не только в том, что Финляндия имела устоявшуюся гражданственность и внутреннюю благоустроенность, грамотное, твердое в религиозных убеждениях население, но и в политическом характере «финляндской нации». В «Статье» указывалось, что «собственная революция в Финляндии даже не возможна»: «флегматический характер народа причиною, что его нелегко ввести в заблуждение обманчивыми внушениями. Финляндцы трудолюбивые, честные, преданные своей вере, неоспоримо имеют великие преимущества в нравственном отношении... Такой народ трудно довести до возмущения... Взгляд на различные классы народа в Финляндии подтверждает это. Дворянство в Финляндии не богато, не блистательно великими историческими воспоминаниями, но оно от предков своих наследовало любовь к отечеству и правительству... Оно никогда не обнажало меча иначе, как по гласу долга и никогда не обращало оружия против правительства. Такие же чувства одушевляют и граждан и крестьян. Довольные своим жребием и от всей души

⁷⁸ Цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 319–323.

⁷⁹ Бунге Н. Х. Загробные заметки. С. 223.

⁸⁰ Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I. Копия. Л. 2 об.

преданные отеческому правительству, они никогда не водрузят знамя бунта»⁸¹. Сам же Николай I как-то заметил своим приближенным, которые в условиях усиления финского национально-патриотического движения хотели урезать автономию Финляндии: «Оставьте финнов в покое. Это — единственная провинция моей державы, которая за всё время моего царствования ни на минуту не доставляла мне забот или разочарования»⁸².

Необходимость контрпропаганды касалась также вопроса о финляндском войске. Военная реформа в княжестве, когда 19 ноября 1830 г. были расформированы войсковые стрелковые батальоны, интерпретировалась в европейской либеральной прессе как «обезоруживание нации». Поэтому «Статья», возвращающая читателей к истории финляндского войска в рамках Российской империи, указывала, что «еще в 1812 году вскоре по присоединении к России Финляндия выставила три стрелковых полка, и многие финляндцы участвовали в достославных походах» против Наполеона, затем в войне с Персией и Турцией, а также «в борьбе против польских мятежников многие из сынов Финляндии жертвовали кровью и жизнью за Государя...»⁸³.

Расформирование же финляндского войска обуславливалось тем, как отмечалось в «Статье», что его организация в виде земского ополчения, созданного для «защиты края и владений Российской империи по берегам Балтийского моря», «была несовершенна» и не отвечала новым задачам. Тогда как «учреждение Финляндской морской силы казалось гораздо полезнее»⁸⁴. Действительно, еще до Польского восстания, 12 апреля 1830 г. был учрежден Морской Финский корпус, получивший название 1-го Финского морского экипажа. К 1849 г. Финляндия имела: Гвардейский стрелковый батальон (1000 чел.), Гренадерский стрелковый батальон (1000 чел.) и Морской экипаж (1000 чел.)⁸⁵.

Но еще в 1829 г. был сформирован Лейб-гвардии Финский стрелковый батальон, который входил в состав Петербургского военного округа и участвовал в смотрах и маневрах. На первом же смотре 15 июля 1829 г. в Красном Селе Николай I присутствовал в новом, ранее неизвестном окружающим мундире этого батальона. Довольный выправкой финнов, он, поздравив батальон «молодой гвардии» и указывая им на свой мундир, сказал: «Вот ваша новая форма!»⁸⁶. Через два года батальон во главе с командиром, полковником А. Рамзаем участвовал в подавлении Польского восстания.

Повеление Николая I, переданное через военного министра А. И. Чернышева, о немедленном выступлении батальона форсированным маршем к западной

⁸¹ Там же.

⁸² Цит. по: Юссила О. Великое княжество Финляндское. 1809–1917. С. 173.

⁸³ Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I. Копия. Л. 4.

⁸⁴ Там же. Л. 3 об.

⁸⁵ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 79.

⁸⁶ Там же. С. 81–82.

границе империи прибыло в Гельсингфорс с эстафетой 2 декабря 1830 г. Эта новость была объявлена офицерам и солдатам, и вызвала их восторг и гордость. Однако мобилизационная подготовка затянулась, и батальон выступил только 25 декабря 1830 г. Форсированный марш оказался очень тяжелым: по пути следования в Польшу через Выборг и Петербург было потеряно 86 человек больными и обмороженными. Польская кампания затягивалась, только в марте 1831 г. батальон, переправившись через Неман, расположился на берегу Буга и охранял его берега до апреля. Затем вместе с главной армией наступал на Пултуск, а во время штурма Варшавы 25–26 августа 1831 г. находился в ее окрестностях. На полях сражений батальон потерял одного офицера и девять нижних чинов, а в целом во время похода выбыло из строя, умерло и пропало без вести 400 человек.

Николай I, правя текст «Статьи», написал на полях: «По восстании бунта в Польше, когда решено было гвардии идти в поход, призван был участвовать в оном и л.-гв. Финляндский Стрелковый батальон, за два года пред сим сформированный. Усердие и восторг, с коим сей призыв принят был, неизъясним; батальон следовал по целой Финляндии на подводах по собственному вызову жителей. Уже во многих делах успел сей прекрасный батальон доказать свою храбрость и отличное искусство в меткой стрельбе, и во всех последних делах гвардейским батальоном командовал достойный полковник Рамзай и получил рану»⁸⁷.

Действительно, А. Рамзай по ранению ушел в отставку и вскоре был назначен Выборгским губернатором, а во главе батальона встал полковник Лагерборг. В марте 1832 г. батальон высадился в Гельсингфорсе и с радостью был встречен толпой горожан. Николай I особо отличил участие Финского стрелкового батальона в подавлении Польского «мятежа» императорским рескриптом и пожалованием георгиевского знамени. В николаевское царствование батальон еще дважды в составе русских войск присутствовал на смотре войск под Калишем в 1835 г. и участвовал в Венгерском походе в 1849 г.⁸⁸

Заключение

1. В 1830–1831 гг. в имперской политике России актуализировался финляндский вопрос. Это было обусловлено комплексом внешне- и внутривосточных причин, важнейшей из которых стало Польское восстание.

2. В данной ситуации приоритетными задачами имперской власти становились укрепление союзнических отношений с Финляндией и усиление лояльности финляндцев путем развития экономики, повышения благосостояния населения края и проведения пропагандистской и контрпропагандистской работы.

⁸⁷ Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I. Копия. Л. 4 об.

⁸⁸ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 85–89, 94.

3. Оптимизация финляндской политики в начале 1830-х гг. обусловливалась, как и в 1860-е гг., объективными и субъективными факторами — сложным состоянием международных позиций России после Польской кампании и стремлением Николая I, как позже Александра II, отблагодарить финляндский народ за его лояльность, прорусскую позицию и участие в подавлении восстания.

4. Особое внимание Николая I к Великому княжеству Финляндскому основывалось не столько на симпатии и доверии императора к финляндцам, сколько на прагматике государственных интересов, связанных с геополитическими целями обеспечения безопасности северо-западного пограничья России, стратегическими задачами укрепления российской имперской государственности и идеологической необходимостью формирования новой генерации иноплеменных верноподданных.

References

- Abakumov O. Ū.* «...Čtob нравstvennaâ zaraza ne pronikla v naši predely». Iz istorii bor'by III Otdeleniâ s evropejskim vliâniem v Rossii (1830-e — načalo 1860-h gg.). Saratov, 2008.
- Andreeva T. V.* Aleksandr I i «Tajnoe obšestvo» dekabristov. 1818–1825 gg.: političeskaâ tolerantnost' ili pragmatičeskie zadači? // *Vlast', obšestvo, armiiâ: Ot Pavla I k Aleksandru I.* SPb., 2013. S. 203–220.
- Andreeva T. V.* Aleksandr I i M. M. Speranskij: Eše raz o «Plane Vseobšego gosudarstvennogo obrazovaniâ» 1809 goda // *Anglijskaâ naberežnaâ, 4. Ežegodnik S.-Peterburgskogo naučnogo obšestva istorikov i arhivistov.* SPb., 2001. S. 41–74.
- Andreeva T. V.* Aleksandr I i mifologema «vseevropskogo zagovora revolúcionerov» // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* 2008. Ser. 2: Istoriiâ. Vyp. 4. S. 25–34.
- Andreeva T. V.* Nikolaj i mifologema «vseevropskogo zagovora revolúcionerov» // *Istoričeskie zapiski.* 2009. T. 12 (130). S. 105–139.
- Andreeva T. V.* Tajnye obšestva v Rossii v pervoj treti XIX v.: pravitel'stvennaâ politika i obšestvennoe mnenie. SPb., 2009.
- Barruel A.* Mémoires pour servir à l'Histoire du Jacobinisme. Londres, 1797–1798. T. 1–4.
- Borodkin M. M.* Istoriiâ Finlândii. Vremâ imperatora Nikolaâ I. M., 1915.
- Borodkin M. M.* Vojna 1854–1855 gg. na Finskom poberež'e. Pg., 1904.
- Borodkin M. M.* Istoriiâ Finlândii. Vremâ imperatora Nikolaâ I. M., 1915.
- Bunge N. H.* Zagrobnye zametki // *Sud'by Rossii. Doklady i zapiski gosudarstvennyh deâtelej imperatoram o problemah èkonomičeskogo razvitiâ strany (vtoraâ polovina XIX v.) / Podg. L. E. Šepeleva* SPb., 1999. S. 225–226.
- Butenko V. A.* Svâšennij soûz i meždunarodnaâ politika èpohi restavracii // *Kniga dlâ čteniiâ po istorii Novogo vremeni: V 4 t. M., 1914. T. 4. Č. 1: Istoriiâ Zapadnoj Evropy.*
- Dâkin V. S.* Nacional'nyj vopros vo vnutrennej politike carizma XIX — načala XX v. (K postanovke problemy) // *Dâkin V. S. Byl li šans u Stolypina? Sbornik statej.* SPb., 2002. S. 53–94.
- Dâkin V. S.* Natsional'nyj vopros vo vnutrennej politike tsarizma (XIX — načalo XX v.). SPb., 1998.
- Druckij-Sokolinskij D. V.* Biografičeskaâ zametka o žizni grafa Arseniâ Andreeviča Zakrevskogo // *Sbornik RIO.* T. 73. SPb., 1890.
- Gordin Â. A.* Mâtež reformatorov. SPb., 2006. Kn. 2: Tragediiâ mâteža: 14 dekabrâ 1825 goda.
- Gordin Â. A.* Mistiki i ohraniteli: Delo o masonskom zagovore. SPb., 1999.
- Hartanovič M. F.* K istorii koronacii v Varšave. 1829 g. (Delo Smaglovskogo) // *Novyj časovoj.* 1999. № 8–9. S. 374–378.
- Il'in P. V.* Meždú zagovorom i prestolom. Â. I. Rostovcev v sobytiâh mežducarstviâ 1825 goda. SPb., 2008.
- Il'in P. V.* Vstreča člena tajnogo obšestva Â. I. Rostovceva s pretendentom na prestol velikim knâzem Nikolaem Pavlovičem. Dostovernoe i predpolagaemoe // *Dekabristy. Aktual'nye problemy i novye podhody.* M., 2008. S. 367–449.
- Kaupala P.* Aleksandr II i pod'em finlândskoj avtonomii: otzvuki Krymskoj vojny // *Aleksandr II. Tragediiâ reformatora: lûdi v sud'bah reform, reformy v sud'bah lûdej.* S. 195–213.

- Klinge M.* Imperskaâ Finlândiâ. SPb., 2005.
- Kornilov A.A.* Russkaâ politika v Pol'she so vremeni razdelov do načala XX veka. Pg., 1915.
- LûbezNIKov O.A.* O perevode na russkij âzyk konstitucii Carstva Pol'skogo v 1816 g. // Peterburgskij istoričeskij žurnal. 2014. № 4. S. 291–303.
- Mechelin L.* Das Staatsrecht des Grossfürstentums Finland. Freiburg, 1889.
- Nadler V.K.* Imperator Aleksandr I i ideâ Svâšenного soûza. T. 1–5. Riga, 1886.
- Nikolaj I: Ličnosť i êpoha. Novye materialy / Otv. sost. T.V. Andreeva. SPb., 2007.
- Nikolaj Mihajlovič, vel. kn.* Imperator Aleksandr I na Venskom kongresse. 1814–1815: Po donesenîam agentov Venskoj tajnoj policii // Russkaâ starina. 1914. T. 157. Kn. 1. S. 135–145.
- Novikova I.N.* Osoboe gosudarstvo ili provincîa imperii: problema gosudarstvenno-pravovogo statusa Finlândii v rossijsko-finlândskih otnošeníah XIX veka // Prostranstvo vlasti: Istoričeskij opyt Rossii i vyzovy sovremennosti. M., 2001. S. 372–390.
- Novikova I.N.* Velikoe knâžestvo Finlândskoe v imperskoj politike Rossii // Imperskij stroj Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – načalo XX veka): Sbornik naučnyh statej / Otv. red. P.I. Savelov. M., 1997. S. 130–131.
- Orlik O.V.* «Evropejskaâ ideâ» Aleksandra I // Novaâ i novejšââ istoriâ. 1997. № 4. S. 44–68.
- Pal'men È.G.* Kodifikacionnye zamysly v 1830 i 1840 godah // O kodifikacii finlândskih zakonov. Pg., 1914.
- Parsamov V.S.* Žozef de Mestr i Aleksandr Sturdza: Iz istorii religioznyh idej Aleksandrovskoj êpohi. Saratov, 2004.
- Pol'sha i Rossia v pervoj treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830. M., 2010.
- Pravilova E.A.* Finansy imperii. Den'gi i vlast' v politike Rossii na nacional'nyh okrainah. 1801–1917. M., 2006.
- Presnâkov A.E.* Èkonomika i politika v pol'skom voprose načala XIX v. // Bor'ba klassov. Istoričeskij žurnal. 1924. T. 1/2. S. 29–50.
- Presnâkov A.E.* Ideologiâ Svâšenного Soûza // Annaly. Žurnal vseobšej istorii. 1923. № 3. S. 72–82.
- Šebunin A.N.* Evropejskaâ kontrrevolûciâ pervoj četverti XIX veka. L., 1925.
- Sevast'ânov F.L.* «Postupok» Â.I. Rostovceva 12 dekabrà 1825 g. Popytka rekonstrukcii političeskikh vzglâdov istoričeskogo deâtelâ // Dekabristy. Aktual'nye problemy i novye podhody. M., 2008. S. 348–366.
- Šil'der N.K.* Imperator Nikolaj I. Ego žizn' i tsarstvovanie. M., 1996. Kn. 2.
- Šilov D.N.* Gosudarstvennye deâтели Rossijskoj imperii. 1802–1917: Biobibliografičeskij spravočnik. SPb., 2011. S. 601.
- Snellman A.* The nobility of Finland 1809–1919: From imperial loyalism to nationalist conflict // Peterburgskij istoričeskij žurnal. 2014. № 4. S. 112–129.
- Speranskij M.M.* Izbrannoe. M., 2010.
- Stat'â o Finlândii 1831 g. s popravkami imperatora Nikolaâ I // OR RNB. F. 859 (N.K. Šil'der). K. 42. № 15. L. 1–5.
- Suni L.V.* Očerk obšestvenno-političeskogo razvitiâ Finlândii v 50–70-e gg. XIX v.: Avtoreferat dis. ... d. i. n. Tallin, 1980.
- Suni L.V.* Očerk obšestvenno-političeskogo razvitiâ Finlândii. 50–70-e gody XIX v. L., 1979.
- Ûssila O.* Velikoe knâžestvo Finlândskoe. 1809–1917. Helsinki, 2009.
- Ûssila O., Hentilâ S., Nevakivi Û.* Političeskaâ istoriâ Finlândii. 1809–1995. M., 1999.
- Ûtikkala È.* Istorîa Finlândii s drevnosti do stabilizacii samostoâtel'nosti v 1939 g. // Pribaltijsko-finskie narody. Istorîa i sud'by rodstvennyh narodov. Ûvâskûlâ, 1995. S. 55–56.
- Vituhnovskaâ-Kaupala M.* «On snova s nami!»: Aleksandr II v istoričeskoj pamâti finnov v načale XX v. // Aleksandr II. Tragediâ reformatora: lûdi v sud'bah reform, reformy v sud'bah lûdej: Sbornik statej. SPb., 2012. S. 262–281.
- Vnešnââ politika Rossii XIX i načala XX veka: Dokumenty Rossijskogo Ministerstva inostrannyh del. Ser. 1: v 8 t. M., 1972. T. 8: Maj 1814 g. – noâbr' 1815 g.
- Vuorinen M.* Finnish nobility between nation and empire (The Swedish legacy and the Diet of Porvoo in 1809) // Peterburgskij istoričeskij žurnal. 2014. № 4. S. 99–111.
- Vyskočkov L.V.* «Ostav'te finnov v pokoe»: Imperator Nikolaj I i Velikoe knâžestvo Finlândskoe // Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy: Materialy Četvertoj ežegodnoj Meždunarodnoj naučnoj konferencii (25–26 aprilâ 2002 g.). SPb., 2003.
- Vyskočkov L.V.* Imperator Nikolaj I i Velikoe knâžestvo Finlândskoe. // Pamâti akademika A.I. Šëgrena (1794–1855): Sbornik dokladov. SPb., 2007.

Vyskočkov L. V. Imperator Nikolaj I o Finlândii i finnah // Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy: Materialy Vos'moj ežegodnoj meždunarodnoj naučnoj konferencii (13–14 aprilâ 2006 g.). SPb.: Bi., 2007. S. 412–428.

Vyskočkov L. V. «Ostav'te finnov v pokoe»: Imperator Nikolaj I i Velikoe knâžestvo Finlândskoe // Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy: Materialy Četvertoj ežegodnoj meždunarodnoj konferentsii (25–26 aprilâ 2002 g.). SPb., 2003. S. 62–74.

Vyskočkov L. V. Imperator Nikolaj I i Velikoe knâžestvo Finlândskoe // Pamâti akademika A. I. Šegrena (1794–1855): Sbornik statej. SPb., 2007. S. 27–42.

Zapiski očevidec 14 dekabrà 1825 goda. Iz arhiva M. A. Korfa: Zapiska grafa D. N. Bludova / Podg. T. V. Andreevoj i T. N. Žukovskoj // 14 dekabrà 1825 goda. Istočniki. Issledovaniâ. Istoriografiâ. Bibliografiâ. Vyp. 3. SPb., 2000.

Zorin A. L. Kormâ dvuglavogo orla...: Literatura i gosudarstvennâ ideologiâ v Rossii v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka. M., 2001.

Žukovskaâ T. N. Pravitel'stvo i obšestvo pri Aleksandre I. Petrozavodsk, 2002.

Список литературы

Barruel A. Mémoires pour servir à l'Histoire du Jacobinisme. Londres, 1797–1798. Т. 1–4.

Mechelin L. Das Staatsrecht des Grossfürstentums Finland. Freiburg, 1889.

Snellman A. The nobility of Finland 1809–1919: From imperial loyalism to nationalist conflict // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 112–129.

Vuorinen M. Finnish nobility between nation and empire (The Swedish legacy and the Diet of Porvoo in 1809) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 99–111.

Абакумов О. Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008.

Андреева Т. В. Александр I и «Тайное общество» декабристов. 1818–1825 гг.: политическая толерантность или прагматические задачи? // Власть, общество, армия: От Павла I к Александру I. СПб., 2013. С. 203–220.

Андреева Т. В. Александр I и М. М. Сперанский: Еще раз о «Плане Всеобщего государственного образования» 1809 года // Английская набережная, 4. Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001. С. 41–74.

Андреева Т. В. Александр I и мифологема «всеевропейского заговора революционеров» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2: История. Вып. 4. С. 25–34.

Андреева Т. В. Николай и мифологема «всеевропейского заговора революционеров» // Исторические записки. 2009. Т. 12 (130). С. 105–139.

Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

Бородкин М. М. Война 1854–1855 гг. на Финском побережье. Пг., 1904.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. М., 1915.

Бунге Н. Х. Загробные заметки // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) / Подг. Л. Е. Шепелева. СПб., 1999. С. 225–226.

Бутенко В. А. Священный союз и международная политика эпохи реставрации // Книга для чтения по истории Нового времени: В 4 т. М., 1914. Т. 4. Ч. 1: История Западной Европы.

Витухновская-Кауттала М. «Он снова с нами!»: Александр II в исторической памяти финнов в начале XX в. // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сборник статей. СПб., 2012. С. 262–281.

Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. 1: В 8 т. М., 1972. Т. 8: Май 1814 г. – ноябрь 1815 г.

Выскочков Л. В. Император Николай I и Великое княжество Финляндское. // Памяти академика А. И. Шегрена (1794–1855): Сборник докладов. СПб., 2007.

Выскочков Л. В. «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четвертой ежегодной Международной научной конференции (25–26 апреля 2002 г.). СПб., 2003.

Выскочков Л. В. Император Николай I о Финляндии и финнах // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Восьмой ежегодной международной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.). СПб.: Б.и., 2007. С. 412–428.

- Гордин Я. А. Мистики и охранители: Дело о мasonicком заговоре. СПб., 1999.
- Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. СПб., 2006. Кн. 2: Трагедия мятежа: 14 декабря 1825 года.
- Друцкий-Соколинский Д. В. Биографическая заметка о жизни графа Арсения Андреевича Закревского // Сборник РИО. Т. 73. СПб., 1890.
- Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–142.
- Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX — начала XX в. (К постановке проблемы) // Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? Сборник статей. СПб., 2002. С. 53–94.
- Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002.
- Записки очевидцев 14 декабря 1825 года. Из архива М. А. Корфа: Записка графа Д. Н. Блудова / Подг. Т. В. Андреевой и Т. Н. Жуковской // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 3. СПб., 2000.
- Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.
- Ильин П. В. Встреча члена тайного общества Я. И. Ростовцева с претендентом на престол великим князем Николаем Павловичем. Достоверное и предполагаемое // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 367–449.
- Ильин П. В. Между заговором и престолом. Я. И. Ростовцев в событиях междуцарствия 1825 года. СПб., 2008.
- Кауттала П. Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки Крымской войны // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. С. 195–213.
- Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005.
- Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915.
- Любезников О. А. О переводе на русский язык конституции Царства Польского в 1816 г. // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 291–303.
- Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1886. Т. 1–5.
- Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы / Отв. сост. Т. В. Андреева. СПб., 2007.
- Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I на Венском конгрессе. 1814–1815: По донесениям агентов Венской тайной полиции // Русская старина. 1914. Т. 157. Кн. 1. С. 135–145.
- Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века): Сборник научных статей / Отв. ред. П. И. Савелов. М., 1997. С. 130–131.
- Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 372–390.
- Орлик О. В. «Европейская идея» Александра I // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 44–68.
- Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: Из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004.
- Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010.
- Правилова Е. А. Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006.
- Пресняков А. Е. Идеология Священного Союза // Анналы. Журнал всеобщей истории. 1923. № 3. С. 72–82.
- Пресняков А. Е. Экономика и политика в польском вопросе начала XIX в. // Борьба классов. Исторический журнал. 1924. Т. 1/2. С. 29–50.
- Севастьянов Ф. Л. «Поступок» Я. И. Ростовцева 12 декабря 1825 г. Попытка реконструкции политических взглядов исторического деятеля // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 348–366.
- Сперанский М. М. Избранное. М., 2010.
- Суни Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50–70-е гг. XIX в.: Автореферат дис. ... д. и. н. Таллин, 1980.
- Суни Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии. 50–70-е годы XIX в. Л., 1979.
- Хартанович М. Ф. К истории коронации в Варшаве. 1829 г. (Дело Смагловского) // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 374–378.

Шебунин А. Н. Европейская контрреволюция первой четверти XIX века. Л., 1925.

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Библиографический справочник. СПб., 2011. С. 601.

Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1809–1995. М., 1999. С. 49.

Пальмен Э. Г. Кодификационные замыслы в 1830 и 1840 годах // О кодификации финляндских законов. Пг., 1914.

Ютиккала Э. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 55–56.